

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Виктория Лисовская

ПРОКЛЯТЬЕ
ЕГИПЕТСКОГО
ЖРЕЦА

Виктория Лисовская
Проклятье египетского жреца
Серия «Артефакт & Детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70087723

Проклятье египетского жреца:

ISBN 978-5-04-196909-7

Аннотация

В XIX веке в Санкт-Петербурге установили двух египетских сфинксов, ранее украшавших заупокойный храм фараона Аменхотепа III. После этого в городе начались пугающие события – на Васильевском острове появился маньяк, который убивает девушек, прикрываясь маской бога Анубиса. Сыщик Аристарх Венедиктович Свистунов и его верная помощница Глафира присутствуют при вскрытии саркофага жреца у княгини Муротовой. Но вместо пяти тысячелетней мумии там оказывается убитый конюх княгини Архип. А на саркофаге написано жуткое проклятие египетского жреца – всех, кто потревожит его покой, ожидает смерть...

Содержание

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	5
15 апреля 1828 г. Страницы старого письма	7
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	9
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	13
9 сентября 1832 г. Страницы старого письма	18
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	19
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	22
13 сентября 1832 г. Страницы старого письма	25
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	27
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	31
10 октября 1832 г. Страницы старого письма	41
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	42
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	45
Египет. XIV век до н. э	48
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	52
Египет. XIV век до н. э	55
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	58
Египет. XIV век до н. э	61
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	63
Египет. XIV век до н. э	65
Июнь 1869 г. Санкт-Петербург	67
Египет. XIV век до н. э	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Виктория Лисовская

Проклятье египетского жреца

© Лисовская В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Автор настаивает, что все совпадения случайны и вызваны ТОЛЬКО фантазией самого автора и впечатлениями от самого мистического города на земле...

От автора

Когда заговорит Сфинкс, жизнь на Земле сойдет с привычного круга...

Древняя пословица

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

Хмурым питерским утром, когда еще все приличные господа сладко почивают в своих постелях, худенькая русоволосая девушка спешила к лавочнику. Она проворно лавировала в хитросплетениях Васильевского острова, обходила глубокие лужи нечистот, встречающиеся ей на пути, перепрыгивала через канавы. Надо было успеть до восьми утра купить самые лучшие печатные пряники в Санкт-Петербурге, те, которые так любит ее хозяин, самый лучший сыщик города и окрестностей Аристарх Венедиктович Сви-стунув.

Каждый раз, пробегая мимо Академии художеств, Глафира Кузьминична Сумарокова замирала на месте от удивления при виде чудо-зверей – языческих идолов из далекой южной страны, которых недавно установили на специально построенной для этой цели пристани.

Вот и сегодня она остановилась, с изумлением и благоговением взирая на полульвов-полулюдей, выполненных из розового асуанского гранита и заброшенных на берега Невы.

Но любоваться долго поразительными статуями горничной великого сыщика не дали.

Очнулась Глафира от пронзительного взгляда, буквально раскалывающего ей затылок. Быстро обернувшись, девушка увидела высокого мужчину восточной внешности с темной

загорелой кожей и в странном экзотичном наряде, с трубкой в белоснежных зубах.

Он так бесцеремонно и нагло разглядывал Глафиру, что она вздрогнула, нахмурилась и, задрав подбородок, направилась в пекарню к Кондрату Попову, лучшему кондитеру Васильевского острова.

Незнакомец закурил трубку из слоновой кости, затянулся, пустил абсолютно круглое облачко в серый питерский небосвод и еще раз гнусно улыбнулся, разглядывая Глафиру, и даже поцокал языком, что было совсем неуместно и неприлично в современном обществе.

– Какой невежа, однако, – хмыкнула Глафира и, недовольно оглядываясь, припустила дальше по Английской набережной.

Ее хозяин должен проснуться к девяти утра, и печатные прянички, теплые, румяные, должны лежать на тарелке перед голодным лучшим сыщиком Санкт-Петербурга и окрестностей.

Напоследок ей показалось, что египетские сфинксы также нагло посматривают на нее, так что Глафира чуть не застыла от ужаса. Горничная фыркнула с досады, перекрестилась, но все же нашла в себе силы скинуть наваждение, прошептать «Какая чушь!» и почти бегом направиться к своей цели.

15 апреля 1828 г.

Страницы старого письма

«Милая Кэти, не могу дождаться встречи с тобой. Больше трех месяцев, как ты уехала домой, не выдержав невыносимую жару нынешних мест. Только ты в меня верила, только ты поддерживала меня – знала, что я сделаю великое открытие, я внесу свой вклад в новую науку – египтологию.

И я нашел... Я действительно нашел их... Ты не представляешь, Кэти, какие силы таятся в этих сооружениях...

Эти два колосса были некогда частью огромного сооружения, остатки которого все еще выступают там и тут из нильского ила... Это место открыто исследованиями, отчасти подземными, которые велись беспорядочно, без плана; поблизости найдено более сорока львиноголовых статуй, выполненных из серого гранита, более или менее поврежденных, другие скульптурные фрагменты. Это самая настоящая каменоломня статуй, в которой по какому-то непредвиденному случаю они были собраны, словно в священном подвале, в ожидании нового появления на свет всего этого исчезнувшего великолепия.

Среди этого дебриса еще и сегодня видны сфинксы из ро-

зового гранита, около двадцати ступней в длину, прекрасной сохранности и самой прекрасной работы; эти сфинксы – самое удивительное, что я видел в Египте. Но они, к сожалению, найдены для того, чтобы пойти на продажу: бесспорно, это самый нетронутый памятник из всех подобных ему, существующих сегодня».

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

Утро началось как обычно, Глафира накрыла завтрак в большой гостиной. Кроме вкуснейших печатных пряников из лавки кондитера Попова Глаша успела состряпать две дюжины рассыпчатых блинов, обильно полить их брусничным вареньем и даже подготовила мясной пирог: а вдруг хозяину, милейшему Аристарху Венедиктовичу, не понравятся блинчики?!

Хотя Глафира переживала совершенно зря. Господин Свистунов в один присест умял почти все блины, вытер варенье с рыжеватых усов, похлопал себя по объемному брюшку и, наконец, благосклонно взглянул на свою горничную.

– Эх, Глашка, молодец, милочка! Хорошие блиночки! Вот если бы ты еще свой любопытный нос в мои расследования не совала – то вообще цены бы тебе не было! – сыто улыбаясь, как довольный кот, промолвил Свистунов.

«Ну все, хозяин оседлал любимого конька. Теперь начнет рассказывать про свои незаурядные детективные способности!» – подумала Глафира.

Слышать про уникальные таланты господина Свистунова уже в сотый раз горничная не захотела, потому довольно резко перебила хозяина:

– Аристарх Венедиктович, кушайте на здоровье! Раз уж блинчики мои по нраву! Но разрешите молвить: если бы я не

совала – как вы выразились – свой любопытный нос в ваши расследования... – девушка хмыкнула, – то многие расследования вообще не были бы завершены¹.

– Ой, не задавайся, милочка! – ухмыльнулся сыщик. – Мисс детектив, смешно, ей-богу!

Глафира поначалу насупилась, но потом заметила, что Аристарх Венедиктович огрызается на нее скорее по привычке, что подобная утренняя перебранка по поводу детективных талантов горничной стала в их меблированных комнатах на Мойке вполне обычным делом.

Свистунов еще раз хмыкнул, не получив от Глаши никаких возражений, а только лукавую улыбку, немного сконфузился, доел остатки мясного пирога, запил все крепким чаем из самовара и попросил утренние газеты.

Глафира принесла стопку газет, заботливо оставленных почтальоном у дверей, и вернулась на кухню к своим основным обязанностям.

Через несколько минут Аристарх Венедиктович снова пригласил ее в гостиную.

– Глашенька, ты слышала новости? Еще один труп девушки нашли. Уже четвертая бедняжка, – размахивая печатным изданием, заявил Свистунов. – Ты там... это... поосторожнее утром ходи. Расчленитель снова в районе Васильевского острова появился. У всех убитых девушек внутренности

¹ Читайте об этом в книгах В. Лисовской «Русалки Обводного канала», «Перстень русского дракона», «Путь к золоту Рюрика».

извлечены из дыры в левом боку. Страсти какие! Газетчики тут еще такие ужасы описывают! И все это на нашем острове! Что за безобразия творятся! Вот некий Илья Борзов пишет: «Убитая прачка Авдотья Сиганова двадцати двух лет от роду была найдена на пристани напротив Академии художеств. Жертве были нанесены чудовищные увечья», – сыщик побагровел, запивая все третьей чашкой крепкого чая.

– Напротив Академии художеств – там же как раз рядом сфинксы стоят! – задумалась вслух Глаша. – Аристарх Венедиктович, а вы сами не хотите найти преступника? Сами не желаете поймать ужасного Расчленителя, который девушек убивает? – подливая чай хозяину, Глафира постаралась придать своему голосу ровные интонации.

– Да, конечно, я бы мог за пару дней найти преступника. Я самый лучший сыщик Санкт-Петербурга и окрестностей! Мне любые дела по плечу! Но... – глазки у Аристарха Венедиктовича забежали, – но у меня сейчас очень много дел, я не хочу сразу на несколько расследований расплытаться. Это тебе не блины стряпать, – фыркнул он.

– А подскажите, какими вы еще расследованиями занимаетесь? – вежливо спросила горничная. – Ведь после дела Луки Матвеевича у нас сейчас затишье.

– Ой, много ты понимаешь! – снова фыркнул Свистунов. – Совсем я распустил прислугу, ты мне еще будешь говорить, какие дела делать, а какие нет! – зашипел хозяин, теперь как рассерженный кот. – И вообще, если бы я хотел, то всех

преступников города поймал и пересажал в кутузку. Но мои незаурядные способности не позволяют мне размениваться на всякую ерунду...

– Четыре расчлененные девушки – это вы считаете ерундой? – удивленно подняла брови Глаша.

– Четыре или пять девушек – это не так важно, я сейчас занят более важными и важными делами и тебе того же советую. Кстати, о делах. Ты разве не слышишь, наш дверной колокольчик уже пару минут звенит! Ты не собираешься, милочка, дверь открыть?

Глафира недовольно кивнула и испарилась в прихожей.

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

Колокольчик захлебывался от нетерпения. Не успев даже отдышаться, Глафира рывком распахнула двери и опешила от неожиданности.

На пороге стоял и ехидно улыбался тот самый незнакомец с Английской набережной. Он держал в белоснежных зубах курительную трубку и нагло разглядывал девушку.

Глаша покраснела под этим бесстыдным раздевающим взглядом. Первым порывом было захлопнуть дверь перед таким наглецом, но тот, не дожидаясь приглашения, вошел в прихожую, подвинув Глафиру плечом, и обратился к ней с восточным акцентом:

– Гошпадын Свыстуноф тут проживает?

– Что? А?... Господин Свистунов? Да, тут проживает, – кивала Глаша.

– Он сыщик? Детектыф?

– Да, детектив, конечно, – подтвердила Глафира.

– Вэды мина к нему.

– А кто вы, собственно говоря, такой? Как вас представить?

– Предстафлят мина не нада, – наглая ухмылка. – Скажи хазаину, што Асхаб Аф-Аффанди прибыль! – важно поклонился гость.

– Хорошо. Ждите здесь, одну минуточку! – кивнула гор-

ничная и побежала докладывать Аристарху Венедиктовичу.

И вот через пару минут господин Свистунов принял необычного гостя в своем кабинете.

Аф-Аффанди вальяжно уселся в мягком кресле, важно закинув ногу на ногу.

Из своего угла Глафира смогла внимательно разглядеть интересного клиента. На Асхабе Аф-Аффанди был длинный парчовый халат с изящным рисунком на вороте, на поясе красовался широкий ярко-красный кушак с множеством узелков на длинных тесемках. Голову украшала плоская шляпа без полей, ранее подобных Глаша никогда не видела. Особенно запоминающейся в облике незнакомца была странная обувь с загнутыми носками и расписанная спиральными узорами. Кроме обуви, конечно, еще выделялась курительная трубка из слоновой кости, которую иноземец при виде сыщика спрятал во внутренний карман халата.

– Добрый день, я Аристарх Венедиктович Свистунов, лучший сыщик Санкт-Петербурга и окрестностей, – представился хозяин дома. – А что вас привело ко мне?

Глафира застыла в уголке, не смея даже дышать, ей тоже было очень интересно, что же делает у них в меблированных комнатах на Мойке такой странный клиент.

– Мина завут Асхаб Аф-Аффанди, я недель назад прибил в ваш город из Каир, – поклонился гость. – У мина есть для вас очень важный задание, я весьма щедро вам оплачу, много денег дам, – он кинул на стол кошель, битком набитый

золотыми монетами. – Сейчас я платить вот это, а скоро мне должен заплатить за мой работа, много должен заплатить, и я вам есчо денег дам. Я жду крупный денег. А это все, что у меня сейчас ест!

Аристарх Венедиктович поднял мешочек и аккуратненько пересчитал все до копеечки. Уверенно кивнув, он ответил:

– Продолжайте, мой друг, я вас выслушаю и постараюсь помочь.

– Харашо, я рад, что вы согласитса, – ухмыльнулся египтянин.

– У вас очень хороший русский язык, – похвалил сыщик.

– У мина биль много русский любовница, – рассмеялся клиент, кинув плотоядный взгляд в сторону Глафиры. – Хотя пїсат по руска я не особо уметь. Не биль у миня хороший учитель, не уметь я пїсат.

Горничная покраснела до кончиков ушей.

– Не пїсать, а писать, – скривившись, поправил Асхаба Свистунов. – И какое у вас задание для детектива?

– Более тридцат лет назад сюда в Питерхбурх прибил корабл, он привез розовые сфинкс. Два сфинкс. Они сейчас стоять на пристань, тута недалеко, – начал рассказывать египтянин.

– Да, я уже видел этих страшилищ, – замотал головой сыщик. – Пасть – во! Зубы – во! Зачем такие страхолудины нам нужны? Не понимаю! Еще и деньги за них несметные

заплатили! Кошмар!

Асхаб Аф-Аффанди снова весело расхохотался.

– Не зналь, что стражи великий Аменхотеп Третий кажутся вам страшилищ!

– Аменхотеп Третий? Кто это такой? – удивился Свистунов.

– О, это биль великий царь Древний Египт, неужели вы про него не слышали? – в свою очередь, удивился гость.

– Это сейчас мода на все египетское, в двух столицах все с ума посходили! Но у меня другие увлечения, а не древние... пардон... фараоны! – парировал Аристарх Венедиктович.

– У нас в Египта ест поверье, что низя тревожит покой сфинкс, тем более не стоило их увозит из родной страна. Это очень плохо, целый проклятий, – Асхаб глубоко вздохнул. – Харашо, сейчас речь не об етом, ето не важна! На тот корабль, что привез сюда сфинкс, было еще кое-что, что я хотель ето получить! – ответил Аф-Аффанди. – И я заплатитть вам вдвое больше, чем сегодня, если вы принесет мне это! Мне вас рекомендовать как самый лутший сисчик! – поклонился египтянин.

– Конечно, я сделаю все, чтобы найти это! Что именно? – Свистунов достал чернильницу и лист бумаги, готовясь записать черты разыскиваемого предмета.

– Да, на корабл остался, потерялся... борода! – ответил Асхаб Аф-Аффанди.

– Что? Простите... Что вы имеете в виду под словом «бо-

рода»? – переспросил Аристарх и почесал собственную бороду.

– Я сейчас объяснить. У одного сфинкс, западный, на пристани отсутствует борода... бородка такая... – показал на свой идеально выбритый подбородок клиент. – Такая... из гранита... она сломалась при погрузке на корабль. Мне нужно, чтобы вы мне это нашли! – глаза египтянина загорелись, он набил трубку табаком и медленно закурил, пуская колечки в потолок. – Принесите мне ето борода от сфинкс. Мне ето очен нада. Я остановилься в гостиница «Лондон», номерь тристо дува, все отчет по расследования привозить мне туда! Я буду вас ждат!

9 сентября 1832 г.

Страницы старого письма

«Милая Кэти, наконец-то решился вопрос со сфинксами. Как я ранее писал тебе, этих двух хранителей египетского храма приобрело Российское государство. Не обошлось, конечно, без бюрократических препон, их пыталась перекупить Франция, но все-таки сделка состоялась, и русская казна победила. И сегодня в двенадцать часов пополудни с египетскими дарами – двумя великолепными сфинксами – мы погрузились на «Буэна сперанца», или «Добрую надежду», как перевели название нашего корабля на русский язык.

Экспедиция закончена. Курс на Санкт-Петербург, в Северную Венецию. Никогда не был в этом чудесном городе, но насльшан о нем. Решу вопросы по передаче розовых сфинксов русским и сразу же вернусь домой. Жди меня, моя Кэти».

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

После ухода экзотичного иноземца Аристарх Венедиктович попросил Глафиру приготовить еще самовар крепкого чая и вкусные булочки к нему. Потом позвал горничную в кабинет и, причмокивая чай, пристально поглядел в глаза девушке и вызывающе спросил:

– Итак, милочка! Откуда ты знаешь моего нового клиента, как там его бишь... Асхаб аф аль... ну и имечко... Аффунди, кажется!

– Аф-Аффанди, – поправила Глафира. – И я его не знаю!

– Ах, не знаешь?! Ты из меня дурачка не делай! Я же видел, как ты с этим смугляшом переглядывалась! Что, любовничка своего сюда привела? Ви с ным переглядывается, – передразнил Свистунов.

Глафира стала пунцовая от смущения, принялась оправдываться:

– Аристарх Венедиктович, да как вы... да что вы такое... говорите... Да я этого Аффанди только сегодня утром впервые увидела, там... на набережной... Где эти розовые сфинксы стоят. Я к Попову в кондитерскую утром бежала, а тут этот египтянин стоит, на сфинксов глядит как ненормальный и на меня уставился. Да так еще нагло смотрел, прям неудобно стало. Такой нахал! Ну я сразу же убежала! – рассказала Глаша. – А потом он к нам в дом пришел, опять на меня так

смотрит, мне прям страшно от таких взглядов. Я не знаю, чего ему надобно! – чуть не плакала девушка.

– Точно? Ты всю правду говоришь? – прищурился сыщик. – Я тебя насквозь вижу!

– Конечно, правду, всю правду. Вот те крест, – закивала горничная.

– Хорошо, я тебя понял, – все еще с недоверием поглядывая на горничную, Аристарх Венедиктович побарабанил пальцами по столешнице. – Теперь у нас есть задание, но появился очень хороший вопрос: где найти эту самую бородку с расколотого сфинкса? «Буэна сперанца» – «Добрая надежда» – так назывался корабль, который привез гостей с Нила, прибыл более тридцати лет назад. Тогда же борода и откололась, где же теперь ее искать? – задумался Свистунов. – И зачем она ему вообще нужна? Отколотая гранитная борода! За ее поиски платить такие деньжищи! Непросто это все, ой непросто!

Глафира стояла на месте, переступая ноги с ногу.

– А тебе, милочка, задание: к обеду подготовь свинные отбивные и рассольник мой любимый, а также салатик какой-нибудь вкусненький, ну, с печенкой, ты знаешь, и рябчиков, томленных в красном вине, можно! Сходи на Сенной, купи еще чего-нибудь к чаю! Зашей мой сюртук бархатный. И это... Глашенька, я тебя знаю, все равно в расследование влезешь, вот и подумай, где эту бороду искать! Может, у тебя какие мысли интересные появятся!

Глафира вздохнула:

– Аристарх Венедиктович, я подумаю!

– Ну вот и славненько! И еще подумай, дорогая моя, как нам до этого корабля и до его матросов добраться! Поброди в доках, поговори с местными, узнай, что да как! – посоветовал хозяин.

– Аристарх Венедиктович, да вы что, да как можно? – гневно заявила горничная. – Я приличная девушка, что я буду в порту делать?! Что вы такое говорите? Будто не знаете, какой там сброд ошивается?! Приличным девушкам не следует в порту находиться.

– Приличная девушка в криминальные расследования не лезет – это раз, а во-вторых, вспомни, Глашенька, в каких местах тебе приходилось бывать, когда ты в мои дела свой любопытный нос совала?!² – ухмыльнулся Свистунов.

Глафира насупилась, но принялась соображать: как же ей попасть в доки, не привлекая внимания к своей скромной персоне.

² Читайте об этом в книгах В. Лисовской «Русалки Обводного канала», «Перстень русского дракона», «Путь к золоту Рюрика».

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

Когда Глафира уже заканчивала приготовление ароматного соуса к рыбе на обед, во входную дверь меблированных комнат на Мойке громко позвонили.

Вежливый посыльный кивнул Глафире и оставил господину Свистунову приглашение на званый ужин к княгине Эллен Муратовой.

Эллен Генриховна была известной светской леди Петербурга конца девятнадцатого века. Унаследовав после смерти мужа, полковника Муратова, весьма значительное состояние, Эллен прожигала деньги на светских раутах и вечеринках города. Полковник Борис Степанович Муратов при жизни был весьма прижимист, проще говоря, скуп и жаден, и держал молодую женушку в ежовых рукавицах. После же его скоропостижной смерти от горячки пару лет назад Эллен, ни капельки не опечалившись, зажила в немыслимой роскоши, направо и налево тратя полковничий капитал, разъезжая по модным курортам Европы и меняя своих фаворитов как перчатки. Светский салон княгини был известен всему Петербургу и за его пределами. Вот и наемдни, вернувшись из Лондона, Эллен решила организовать званый ужин, пригласив на него известных людей города, не обойдя и Аристарха Венедиктовича Свистунова.

В конце визитки красовалась интригующая надпись, что

не могла не заинтересовать сыщика.

– Lordess Muratoff обещает после ужина захватывающее представление: mummy из Фив раскатывают в половине седьмого, – громко произнес Аристарх Венедиктович и даже зачем-то понюхал надушенный конверт. – Ах, какая женщина! – мечтательно произнес он, обращаясь к Глафире. – Не чета тебе – лордесса! Вот! А что такое мамии из Фив? Как это раскатывают? С мамочками какими-то связано? Глашка, ты не знаешь? – почесал сыщик в затылке.

– Знаю! Вот и знаю! – гневно ответила Глафира, еле удержавшись, чтобы не показать язык. – Эта ваша лордесса мумию фиванскую привезла! А что с ней будут делать, это вы уже вечером узнаете!

Аристарх Венедиктович задумчиво зашагал по кабинету.

– Званный ужин у Муратовой – это хорошо. Повар у Эллен Генриховны отменный, готовит вкусно, а вот с этими мумиями что-то непонятное! И вообще, Глашка, ты откуда английскую речь знаешь? Распустил я прислугу, ишь ты, образованная, – заворчал он, искоса поглядывая на Глафиру, которая не знала, куда глаза деть от смущения. – Мамии из Фив! Ишь ты!

– Это я так, предположила, Аристарх Венедиктович, – промолвила горничная.

– Предположила она! – продолжал гневаться хозяин. – Со всем с этим Египтом и мумиями все с ума посходили! И в столицах, и в Парижах, и в Лондонах этих. А теперь и Эллен

Генриховна туда же! Раскатывают мам! Куда раскатывать? Как раскатывают? Главное – зачем это самое? Нечистое это дело! Короче, решено, Глашка! Со мной к Генриховне отправишься! Англицкую речь послушаешь! – стукнул он рукой по столу.

– Но... – опешила горничная. – А сюртук зашить?

– Сейчас зашивай, мне он вечером понадобится! – кивнул Аристарх Венедиктович и снова отправился в столовую. Нужно успокоить нервы после получения приглашения – утренние блинчики пришились кстати, ведь до званого ужина было еще далеко.

Повздыхав и задумавшись о древних обитателях долины Нила, Аристарх Венедиктович сам не заметил, как слопал все блюдо блинов. Снова вздохнул, уныло оглядев пустую тарелку, и отправился в кабинет – привести мысли в порядок, но, если честно, лучший сыщик Санкт-Петербурга и окрестностей намеревался немного вздремнуть после сытного обеда.

13 сентября 1832 г.

Страницы старого письма

«Милая Кэти, за эти дни многое произошло. Не знаю, как у меня хватило сил написать тебе это письмо.

На корабле творится что-то невероятное. Даже сейчас мысли у меня путаются, безумие уже проникает в мой затуманенный разум.

Милая Кэти, попытайся меня понять и простить. Я действительно не хотел этого... Я до сих пор не могу поверить в случившееся. Вся команда охвачена ужасом. Словно загадочная эпидемия косит нас. И всему виной сфинксы...

Да, Кэти, именно так. Все началось еще при погрузке на корабль: трос, удерживающий одну из статуй, лопнул. След от впившегося каната остался на лице сфинкса навсегда, при этом получеловек-полулев лишился подбородка. Но и кораблю досталось – борт, куда упал суровый египетский страж, был серьезно поврежден, а мачта превратилась в щепки.

Но не это главное...

Сразу после происшествия матросы заговорили, что веревка лопнула неслучайно. Якобы трое моряков, придерживающих трос левой статуи, засмотрелись на чудище, и в этот момент лицо сфинкса загадочным образом измени-

лось. Он блеснул глазами, грозно сдвинул брови, и моряки, не поверив собственным глазам, сами отпустили канат – и страж гробницы Аменхотепа Третьего рухнул на палубу.

Я, конечно, не верил этим глупым рассказам необразованных матросов, но в эту же ночь все началось.

Галлюцинации, приступы безумия, самоубийства...

Сначала эти три несчастных матроса бросились в пучину вод, при этом крича, что сфинксы приказали им это сделать.

На следующую ночь старый кок, много лет прослуживший на корабле, взял кухонный нож и зарезал двух членов экипажа – якобы его заставил это сделать сфинкс.

Ты можешь не верить, Кэти, но вот уже которую ночь мне снится жуткий сон: сфинкс из розового гранита говорит мне во сне ужасные вещи и принуждает принести ему жертву... человеческую жертву...»

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

Дом Эллен Генриховны сиял, как рождественская елка, и был виден издалека. К подъездной дорожке чинно и благо-родно подъезжали роскошные экипажи, весь аристократиче-ский свет Петербурга прибыл на званый вечер.

Глафира зябко куталась в новую шаль, которую заставил достать из шкафа хозяин, чтобы прислуга «своими лохмотьями не загубила репутацию лучшего сыщика Санкт-Пете-бурга».

– И вообще, будь позади меня, ни с кем в разговоры не вступай, под ногами не путайся, с важными людьми не зна-комься. Твоя задача – быть моей тенью и слушать, что гово-рят и о чем! Тебе понятно? – давал последние наставления Свистунов.

– Йес, оф кос! – блеснула лингвистическими талантами Глаша и лукаво улыбнулась.

– Вот именно, кокос! – чинно кивнул Аристарх Венедик-тович и оправил зашитый сюртук.

Они вышли из экипажа, отпустили кучера и подошли к широко раскрытым воротам, куда уже спешила нарядно оде-тая публика.

Их встретил вежливый молчаливый мажордом, степенно поклонился, принял верхнюю одежду и проводил в простор-ную гостиную, где к сыщику уже спешила хозяйка дома –

стройная особа с хитрым любознательным взглядом.

Глафира про себя отметила модный покрой струящегося шифонового платья княгини с ярко-зеленым шлейфом: «Значит, в Европе сейчас так носят».

– Ах, Аристарх Венедиктович, мон шер, как хорошо, что вы прибыли! – вежливо зачирикала Эллен Генриховна, подхватив оторопевшего сыщика под правую руку. – Сейчас прибудет князь Оболенский, и можно будет начинать ужин.

Глаша обратила внимание на ярко подведенные глаза «лордессы» и первые появившиеся морщинки в уголках глаз, которые не смогла скрыть обильно посыпанная пудра, делавшая хозяйку еще старше.

– Сейчас, мон диар, я вас со всеми познакомлю! Такие люди прибыли! – Эллен картинно закатила глаза. – А это ваша компаньонка? – мазнула она взглядом по Глафире, которая вежливо поклонилась. – Миленькая, – вынесла вердикт Муратова и продолжила нашептывать Свистунову на ухо: – Прибыла Агнесса Карловна, графиня Розанова, Степан Афанасьевич Владимирский, очень известный меценат, потом Сигизмунд Полсадкий из знатного польского рода, доктор Лосев Поликарп Андреевич, художник Менжинский, мой друг из Лондона Стефан Саймон и... – Эллен захихикала. – После ужина прибудет мое сокровище, мне удалось из Каира выписать настоящую мумию... Да-да, представьте себе! – княгиня снова захихикала.

– Мумию? – глупо переспросил Аристарх Венедикто-

вич. – Да, я видел в приглашении, но я не понял, что это значит!

– Ах, мон шер! В Лондоне сейчас это самая новая забава! – Эллиен захлопала в ладоши и чуть не запрыгала на месте. – Вы не представляете, сколько стоило ее сюда привезти. Но мне удалось найти сопровождающего, который купил для меня какого-то там древнего жреца какого-то там царства, не помню, как его звали. Так вот, – Муратова встряхнула головой. – На ужин еще приглашен ученый-египтолог Филипп Лурье и он поможет ее раскатать! – заливисто расхохоталась княгиня.

– Как это раскатать? – спросил Аристарх Венедиктович.

К ним неслышно подошел высокий молодой человек с красивым приятным лицом, но немного безвольным выражением бледно-серых глаз.

– Раскатать – это значит распеленать мумию, избавить ее от оков! В Лондоне на вечеринках сейчас все так делают! – громко объяснил он.

– Ах, Стефан, дорогой мой, как ты вовремя! Аристарх Венедиктович, это мой близкий друг Стефан Саймон, – молодой человек пожал руку сыщику. – И да. Сегодня покровы мумии спадут! – кивнула Эллиен. – А вот и господин из Каира, кто смог привезти нам ценный экспонат для наших развлечений, – Муратова развернулась к дверям, где с нескрываемым любопытством пожирал их компанию глазами Асхаб Аф-Аффанди.

Глафира даже ничуть не удивилась, когда египтянин подмигнул ей левым глазом.

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

С развязной улыбкой, так раздражавшей Глафиру, Асхаб Аф-Аффанди подошел к хозяйке дома, галантно поклонился гостям и принялся мило переглядываться с горничной сыщика, от чего Глаша зарделась как маков цвет.

– Это тот самый гость из Египта, мой хороший знакомый Асхаб Аф-Аффанди, именно благодаря ему нам удалось достать мумию в таком хорошем состоянии. Асхаб помог купить ее у местных торговцев древностями и доставить в Петербург, – объяснила всем присутствующим Эллен.

Аф-Аффанди снова чинно поклонился.

– Ради ваш глаза, о прекрасный Елена, я способен и не на такой подвиги, – тихим голосом промурлыкал Асхаб, не сводя при этом своих карих глаз с Глафиры, которая не могла уже видеть египтянина.

Стефан Саймон весьма громко фыркнул и выразительно прижал локоток Эллен к себе, тем самым показывая свое право на женщину.

«Очередной фаворит княгини», – сделала вывод Глаша. Про любвеобильность Муратовой давно ходили в свете нелепые слухи, которые сама княгиня со смехом подтверждала.

– Ах, Асхаб, у вас, восточных людей, такие приятные речи! – шутливо стукнула веером по пальцам каирца Эллен.

Тот прижался долгим поцелуем к ее холеной перчатке, чем снова вызвал весьма красноречивый свирепый взгляд Стефана.

– Красавиц Елен, я бы хотел с вами поговорит по поводу мой денег, вы мне обещаль! – держа княгиню за руку, обратился к ней Асхаб.

– Ах, мой друг, все финансовые вопросы позже, после ужина, не надо сейчас портить аппетит.

– Но ви мне говорилъ...

– Да-да. Я все помню... после ужина! Кстати, Аристарх Венедиктович, если вы не против, я дала ваш адрес Асхабу, у него к вам как к самому лучшему сыщику было какое-то интересное задание, – снова зачирикала княгиня Свистунову на ухо.

– Да-да, мы этим как раз и занимаемся, – поклонился Асхабу сыщик.

– Ну и замечательно! – Элен лукаво улыбнулась, пригласила гостей за стол, а сама упорхнула встречать князя Оболенского.

Дмитрий Аркадьевич Оболенский прибыл последним и, как полагается богатым и очень богатым князьям, был необычайно важен, высокомерен и громко выражал свое мнение направо и налево.

– Ах, Элен, душа моя! Благодарствую за приглашение. Я весь в делах, заботах, хоть с тобой, дорогая, смогу отдохнуть, – он поцеловал Муратову в щеку.

– Дмитрий Аркадьевич, вам спасибо, что нашли время посетить мой скромный прием, – поклонилась гостю Эллен.

– Скажете тоже, скромный. У нас в Москве такие рауты мало кто может себе позволить, – ухмыльнулся в пышные усы князь.

– Как там в Москве? Вы надолго в нашу столицу?

– Да я здесь по делам, открываю новые магазины в Петербурге, а тут вся эта суета с переездом. Домочадцы не слушаются, прислуга вся распустилась, найти нормальных слуг совсем сложно. Я тут даже по случаю объявление приказал в газету дать, не хватает хороших служанок. Дети капризничают, учителей не слушаются. Жена болеет. Я весь в делах, в делах, – покачал головой князь.

– Ах, Дмитрий Аркадьевич, пройдемте к столу, я уверена, сегодняшний вечер вы не забудете, – ослепительно улыбнулась Эллен Генриховна.

– Я не сомневаюсь, дорогая! – кивнул в ответ князь и приник к перчатке Муратовой.

За столом Аристарх Венедиктович и Глафира оказались в компании ученого Филиппа Лурье по одну сторону и купца Степана Владимирского по другую. Подавали на первое черепаховый суп, свиные отбивные и рябчиков с томленной осетриной на второе; к десерту принесли диковинные плоды ананасы – последний шик в Лондоне, как по секрету признался Стефан, и замороженные ягоды в сиропе по рецепту местного кондитера.

Разговор за столом опять вернулся к древним мумиям.

– А где сейчас находится... ну... тот пациент, которого полагается раскатать? – вежливо спросил доктор Лосев, полненький упитанный весельчак, всю трапезу сыпавший анекдотами и прибаутками. – Я признаюсь, сам немного увлекаюсь этими пирамидами, храмами, мумиями! Весьма занимательно!

– Ах, страсти какие! – прогудела графиня Розанова, желчная старуха с нездоровым цветом лица, с брезгливым отвращением цедившая черепаховый суп. – Как можно так над мертвыми изгаляться! Мумию раскатывать! Тьфу ты!

При этих словах Эллен громко расхохоталась.

– Ах, тетушка Агнесса Карловна, эти мумии вымерли пять тысяч лет назад! Они уже точно ничего не почувствуют! А для будущей науки, для египтологии, это так важно – изучать мумии, так научно! И это так модно! – закатила она глаза при слове «модно». – Вот в Лондоне каждую пятницу раскатывают какого-либо беднягу, и никто уже не прикрывается этими глупыми предрассудками об осквернении умерших!

– Конечно, Эллен, мы же люди прогрессивные! Конец девятнадцатого века! А мумиям уж точно не больно! Это все для науки! – тоненько захихикал Стефан Саймон.

– Как египтолог я могу вам подтвердить, что это все только ради науки, ради изучения тех тайн, что хранят в себе египетские мистерии, – старик Лурье закивал в такт словам Саймона и опрокинул в себя очередной бокал шампанско-

го. – Мой отец, пусть земля ему будет пухом, тоже много лет занимался египтологией и никогда не жаловался.

– Вот видите, Агнесса Карловна, ученые не против! – Элен чмокнула княгиню в напудренную щеку. – Ну же, это так забавно!

– Забавно! Вам, молодежи, только забавы подавай! А о душе кто думать будет! – старуха еще сердилась.

– О душе сами муми и думать! – подал голос Асхаб Аф-Аффанди. – Именно благодаря душе, благодаря Ка, которая и есть душа в Египет, и делали муми. Хотеть сохранить вечность, вечная жизнь.

– Вечно пребывать в бинтах в пирамиде? Не о такой вечности ныне мечтают! – заметил купец Владимирский.

– А я бы вечно ел ваш черепаховый суп, княгиня! Мои похвалы повару! – галантно заметил Аристарх Венедиктович. – Учись, Глашка, – прошептал он на ухо помощнице.

Глафира скривилась и наклонилась над тарелкой; если честно, суп ее не вдохновил, и не ее одну. Художник Менжинский тоже вяло ковырялся в тарелке. А Асхаб Аф-Аффанди даже не притронулся к еде, он с безмятежным видом курил свою трубку из слоновой кости, не спуская темных глаз с княгини Муратовой, мило воркующей со Стефаном.

Но сладкую парочку это ничуть не смущало.

Хотя Саймон все-таки попытался сделать Асхабу замечание.

– Не знаю, как у вас в Египте, но в Европе и в России так

на женщин смотреть нельзя! – выдал он.

– Как это так? – улыбнулся каирец.

– Вот так, вы знаете! И это неприлично! – с вызовом сказал англичанин.

– А чего есчо неприлично?! – повысил голос Асхаб. – В моей страна женщина неприлично с открытым лицом появляться на улица, но я же вам не указывать!

– Ах, не стоит ссориться, мальчики! У всех свои понятия о приличиях! – попыталась разрядить атмосферу Эллен. – Асхаб, не обижайтесь на Стефана! Но пожалуйста, раз уж вы у нас в гостях, я прошу вас не курить трубку за столом! Это многим не нравится! – кивнула она на скривившуюся Агнессу Карловну. – Если позволите, дайте мне вашу трубку, я обещаю вам отдать ее после распаковки.

– Ради ваш прекрасный глаза, о Елен, я готов на все! – поклонившись, Асхаб вручил хозяйке трубку из слоновой кости.

– Спасибо! И почему вы ничего не едите? Не вкусно?

– Нет, я не могу – по моя религия нельзя черепаха, нельзя свинья мясо, потому не волнуйтесь – я буду ест фрукт!

– Хорошо, как хотите! – Саймон хмыкнул.

– Кто-нибудь еще хочет фрукты? – Эллен кивнула служанкам, которые принесли охлажденные напитки и замороженные ягоды.

– Чуть не забыл, прекрасный Елен, у меня есть для вас есчо один египетский презент, – Асхаб вытащил из-за па-

зухи бронзовую фигурку языческого божка, изображавшую девушку с львиной головой, оскалившейся в немом крике.

– Э... спасибо, какая прелесть! – Муратова вертела в руках подарок, не зная, как на него реагировать. – Что это? Точнее, кто это?

– Тут, Эллен Генриховна, я вам помогу! – подал голос египтолог Лурье. – Эта статуэтка, если не ошибаюсь, изображает египетскую богиню Сехмет.

– Сехмет? Она что, львица? – княгиня внимательно разглядывала богиню.

– Да, Сехмет – грозная богиня с головой львицы, олицетворяет собой яростную месть, палящее солнце. Пламенеющая ликом – так ее называли в Древнем Египте. Я прав, уважаемый Асхаб?

– Да, ви совершенно прави, но также Сехмет является и той же самой богиней Хатхор, богиней любви. То есть как у женщины много ликов, так и Сехмет, когда любит, может стать Хатхор, а если Хатхор рассердить, то появится Пламенеющая ликом. Извините, я пытался вам объяснить, – неловко улыбнулся Асхаб.

– А еще, насколько я помню, Сехмет могла в ярости насаждать болезни, чуму, эпидемию, когда гневалась, – дополнил египтолог Лурье.

– Да, это очень интересно. Тем более такая красивая статуэтка, и еще она львица, а я очень люблю всех кошачьих, такие изысканные, грациозные создания, – кивнула Муратова.

– Есть египетская богиня Бастет с головой кошки, я могу вам и о ней рассказать... – Лурье довольно закивал.

– Нет, не стоит, только не о кошках, – простионала Агнесса Карловна. – Вы не поверите, я терпеть не могу кошек. Мне в их присутствии плохо становится, прямо задыхаться начинаю.

Глафира вспомнила, что у нее тоже аллергия на кошачью шерсть, правда, в не столь серьезной форме.

– Тетушка, не волнуйтесь, здесь котов точно нет, только мумия! И даже не кошачья! – засмеялся Стефан.

– Да, представьте себе, в Египте и кошек мумифицировали! – захихикал доктор Лосев, смешно задрал подбородок.

Эллен улыбнулась и поставила бронзовую статуэтку Сехмет на каминную полку рядом с другими безделушками.

– Я надеюсь, вы позволите, Эллен Генриховна, зарисовать мумию до пеленания – потому что, я боюсь, потом будет не очень эстетично, – немного смущаясь, попросил Яков Менжинский.

Эллен со смехом закивала, а потом обратилась к французскому египтологу:

– Филипп, мон шер, расскажите, а как вообще древние египтяне делали свои мумии?

Старичок оторвался от холодного шампанского, пригладил волосы и не спеша ответил:

– О, тут очень интересный процесс мумификации. По верованиям древних египтян, бальзамирование делалось с це-

любо сохранить тело усопшего как последнее жилище души Ка, после того как душа совершила многократные переселения из одного живого тела в другое. Самый простой и распространенный способ: умершего вскрывали таким образом – острым крючком извлекали мозг из головы через ноздри, – при этих словах графиня Розанова выразительно скривилась, а Лурье острым ножом сделал надрез на куске осетрины в своей тарелке, – а внутренности чрева извлекали через отверстие в левом боку, сделанное кремниевым ножом. – Графиня Розанова закатила глаза. – Потом очищенную внутренность вымывали пальмовым вином, наполняли благовонными веществами, например, миррой или кассией, а затем укладывали все тело в селитру на семьдесят дней. По прошествии этого времени тело, ну уже практически мумию, заворачивали в самые тонкие льняные ткани или в виссонные повязки, покрытые обычно аравийской камедью. Наконец тело помещалось в деревянную форму и устанавливалось в вертикальном положении в погребальнице...

– Фу, страсти какие! – не выдержала Агнесса Карловна. – Давайте не за столом про такие ужасы говорить! Это весьма опасно для пищеварения!

Филипп Лурье снова отпил ледяного шампанского и, будучи немного навеселе, решил подтрунить над старой графиней:

– Агнесса Карловна, это же все тоже в рамках науки. Я специально изучал труды Геродота, где в мельчайших по-

дробностях описаны все этапы бальзамирования.

– Ну давайте выпьем за Геродота! – поднял бокал купец Владимирский. – Говорят, умный был грек.

– Еще какой! – громко рассмеялась Эллен Генриховна, получив обожающий взгляд египтянина Асхаба.

– Эллен, я последний раз поддаюсь на твои провокации и пришла смотреть на трупы! – фыркнула графиня. – А будешь в таком же тоне себя вести, то вообще наследства лишу! – Агнесса Карловна поджала губы.

– Да что вы, тетушка! Мы вас все так любим! Не обижайтесь, дорогая! – Эллен Генриховна обняла ворчливую старушку.

Чтобы замять неудобную сцену, слово взял князь Оболенский:

– Ну так давайте избавим этого древнего бедолагу от оков, может, как раз поможем его Ка попасть в рай, или куда они там отправляются, – князь закинул ногу на ногу и с зевком поинтересовался у каирца: – А известно, кому принадлежала эта мумия? Удалось расшифровать владельца?

– Да, представьте себе, – поклонился Асхаб, – на саркофаге было написано имя.

– И кто же это? – все гости мгновенно замолчали и даже подались вперед.

– Его звали Хапу, жрец эпохи фараона Аменхотепа Третьего, – Асхаб лукаво смотрел на Глафиру, пожирая ее глазами.

10 октября 1832 г.

Страницы старого письма

«Кэти, я уже не верю, что мы с тобой увидимся, и знаю, что это письмо ты вряд ли получишь. Хотя, бог даст, тебе его кто-нибудь переправит. Я оставляю его на столе в своей каюте с твоим адресом и просьбой передать письмо тебе, моей любимой жене. Прости меня, дорогая.

Я все-таки решился выйти из каюты. По моим прикидкам, мы уже должны подходить к Санкт-Петербургу, где так ждут розовых сфинксов.

Я не могу поверить своим глазам. Я последний человек на борту. Последний оставшийся в живых... Это ужасно!»

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

После ужина Эллен Генриховна пригласила гостей в лиловую гостиную, где на постаменте рядом с лиловым диваном уже стоял древний саркофаг с бедолагой-жрецом, которого сегодня полагалось «раскатывать». На крышке саркофага, испещренного загадочными иероглифами, были изображены львиные головы, оскалившиеся в немом крике.

Ученый Лурье склонился к реликвии, водя пальцем по иероглифам, пытаясь их расшифровать.

– Какая прелесть! – наконец вынес вердикт он, утвердительно кивая хозяйке дома. – По всем параметрам это действительно мумия эпохи Аменхотепа Третьего, то есть, если я не ошибаюсь, восемнадцатая династия по Манефрону, эпоха Нового царства. Не знаю, мон шер, как вам удалось ее приобрести – но это настоящее сокровище! – чуть ли не хлопал в ладоши старик.

– Вы даже не представлять, какое это сокровище! – скромно поклонился Асхаб Аф-Аффанди.

– А вот вам и ваше сокровище! – Стефан вручил ему трубку из слоновой кости.

Асхаб хмуро кивнул и сразу же затянулся, выпуская колечки в лиловый потолок.

– Если не секрет, Эллен Генриховна, за сколько вы приобрели сей раритет? – князь Оболенский тоже внимательно

осматривал саркофаг. – Я бы для своей коллекции тоже купил нечто такое же древнее. Я люблю раритет. Почти так же, как и свои драгоценности.

Муратова лукаво улыбнулась и закатила глаза к потолку.

– Ах, милый князь, вы даже не представляете, насколько она, эта мумия, дорогая. Она мне обойдется в копеечку, но обо всем позаботился мой спаситель из Каира, месье Аффанди. Мы с ним все решим. Правда, мон шер? – она отправила египтянину ослепительную улыбку. – И давайте, князь, не будем о финансах, это так утомляет, – княгиня лениво обмахнулась веером. – Итак, доктор Лосев, вы готовы? Мы можем начинать?

– Да-да, конечно, пару минут, – тучный доктор расставлял на небольшом столике медицинские инструменты. – Мне еще понадобится помощь господина Лурье, пусть он с точки зрения науки египтологии комментирует мои медицинские манипуляции. С точки зрения заупокойного культа. А то вдруг я что-то не так сделаю, не по-египетски. Хотя я читал все, связанное с мумиями, – доктор тоже обмахнулся большим платком. – Ну и жара сегодня, чем не Египет!

– Однако не Египет! – захихикала хозяйка дома. – После процедуры с мумией я распорядюсь, чтобы принесли лимонад и фрукты со льдом.

– Буду весьма признателен! – князь Оболенский поцеловал ей руку.

– Как интересно! – художник Менжинский делал наброс-

ки иероглифов в блокноте. – А вы можете прочитать и перевести, что тут написано? А то птица, палочка, сова, кавычка, снова птица, теперь с большим клювом, извилистая палочка, глаз! Но так загадочно!

– Да, я постараюсь перевести, я изучал труды Шампольона, моего соотечественника, француза, который сделал грандиозное открытие – расшифровал египетские иероглифы, и теперь это не только птица, палочка, кавычка, а целые слова и предложения. Сейчас, мой юный друг. – Лурье достал из чемоданчика потрепанную книгу и принялся перелистывать страницы. – Сейчас, тут написано, что...

– Давайте, друзья, я вам помогать. Тут сказано, что в саркофаге покоится достопочтенный Хапу, верный раб сына бога Аменхотепа, жрец богини Хатхор, жрец богини Сехмет. И что тех, кто... – тут Асхаб замолчал, задумался, водя пальцем по строкам. Он побледнел, облокотился о кресло.

– Ну что там!

– Тем, кто потревожит его вечный сон, грозит... смерть! – сверяясь со своей книгой, ответил египтолог.

Раздался хилый смешок графини Розановой, а остальные гости замерли как по команде, глядя на трехтысячелетнего жреца.

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

– Бред какой-то, друзья, не обращайтесь внимания на глупые надписи! – захихикала Эллен Муратова.

– По традиции на каждой гробнице пишут грозные проклятия, чтобы отпугивать грабителей, – поддакнул Филипп Лурье. – И этот жрец Хапу не исключение. Если бы было какое-то проклятие мумий, то половина Европы вымерла бы уже. И в Париже, и в Лондоне мумий раздевают, – сыронизировал ученый.

– Однако как-то тревожно! – скривилась Агнесса Карловна. – Может, ну его, этого Хапу.

– Ах, тетушка, что значит «ну его»? Он знаете сколько стоит? И теперь из-за какой-то надписи я не буду отказываться от нашей затеи, – топнула ножкой Муратова. – Асхаб, ты, как египтянин, что об этом думаешь?

– Гашпадын Лурье прав, почти на всех гробницах пишут проклятия. Но этот жрец Хапу был очень-очень известный колдун и египетский маг. Да-да, есть про него легенда. Что именно Хапу знал тайну Книга Тот, – задумчиво ответил Аффанди, его голос стал хриплым и дрожал.

– Книга Тота? А это что еще за напасть? – удивился купец Владимирский.

– Это легендарное, можно сказать, сказочное сокровище – сакральные знания, которые охраняет сфинкс, – вместо

египтянина ответил ученый Лурье.

– Тот самый сфинкс, что у пирамид стоит? – ахнул Аристарх Венедиктович, он тоже был эрудированным человеком своего времени.

– В Египет много есть сфинкс, – покачал головой Аффанди, – мог и другой сфинкс, и Хапу знал точно, где есть этот сокровищ.

– Да, я читал в научной статье в британском альманахе, что нашли папирус с этой легендой о Книге Тота, но я не знал, что наш знакомец Хапу, – Лурье кивнул на саркофаг, – знает об этом сокровище не понаслышке.

– Да, про Хапу все правда, в его гробнице на стене биль написан, что он проводник к тайне Тота, – ответил египтянин и закашлялся.

– Вот за это я и люблю Древний Египет – сплошные загадки, тайны, сокровища! – мечтательно проговорила Эллен Муратова, сложив руки на груди.

– Ага, а еще жара, пески, мертвецы и проклятия мертвецов, – вполголоса заметил князь Оболенский, но в наступившей тишине все услышали его слова.

– Как вам все-таки удалось достать такую оригинальную и необычную мумию? – к саркофагу подошел сыщик Свистунов и принялся пальцем водить по иероглифам на крышке.

– Ох, гасшпадын, – хитро улыбнулся каирец, – у нас говорят такой шутка – по возвращении из Египет неприлично представить себя в выший свет без мумия в один рука, а

нильский крокодайл в другой рука.

Все вокруг засмеялись, что немного снизило напряжение после прочтения проклятия жреца.

Глафира же вспомнила свои недавние приключения в Тверской губернии с настоящим нильским «крокодайл»³ и покачала головой, пытаясь прогнать худые мысли: ей тоже не нравилась эта «распаковка» покойников, даже при всей своей любви к английской моде.

– Ну так все готовы? Доктор Лосев, приступайте к вскрытию, господин Лурье, а вы рассказывайте, что там с мумией! – командным голосом распорядилась Элен, и все склонились над мумифицированным жрецом.

³ Читайте об этом в книге Виктории Лисовской «Перстень русского дракона».

Египет. XIV век до н. э

– О великий Аменхотеп, о сын царя, любимый отцом своим! Да почитит тебя твой отец! Да выдвинет он тебя среди старших! Да одолеет твой Ка твоего супостата! Да обретет твоя душа тайный путь к вратам загробного мира! Позволь молвить, о царский сын! – сановник Сахебу распластался ниц у золотых сандалий молодого царевича.

Аменхотеп кивком головы указал личным прислужникам помочь поднять старого советника.

– Встань, Сахебу, и поведай мне, какая нужда привела тебя в мой дворец! – благосклонно промолвил царевич.

– О мой господин, о сын царя, да будет Амон милостив к тебе! – Сахебу снова склонился, но, увидев заинтересованный взгляд Аменхотепа, продолжил: – Худые новости идут с юга, мой господин! Коварный Ингез, возждь подвластных тебе, о сын бога, городов Куша, отказался платить дань и собирается заключить военный союз с нашими древними недругами хеттами! – голос Сахебу задрожал от гнева: как может какой-то дикий царек отказываться от царской милости и за спиной у фараона общаться с его давними врагами.

Аменхотеп задумался, не вставая с золотого трона. Действительно, новости неутешительные. Ингез давно показывал крутой нрав; после смерти в поединке его отца Шуку-

на, который исправно платил дань в египетскую казну, Ингез задумал предательство, и уже несколько городов Куша подняли мятеж против наместников фараона.

Несмотря на свой юный возраст, всего двенадцать разливов Нила видел царевич, он неплохо разбирался во внешней политике государства, и гнев опалил его величественный взгляд.

– Мой отец, да будет Амон милостив к нему, знает о мятеже? – порывисто вскочил с золотого ложа Аменхотеп.

Сахебу утвердительно закивал.

– Да, мой господин, сын бога Ра Тутмос Великолепный сам отправил меня к тебе, о солнцеликий, чтобы ты возглавил поход в Керме – самое сердце мятежа. Фараон не сомневается в твоём военном таланте, и уже до тысячи воинов готовы отправиться с тобой в Нубию.

– Я сам лично покараю ослушников. Я сровняю с землей Керме, это будет уроком для других земель, что слово фараона – священо и никто не может осмелиться перечить ему! – гордо промолвил царевич.

Покорно закивал Сахебу, и, пятясь, не отрывая взгляда от царевича, сановник скрылся в дверях.

Аменхотеп шикнул на ласковых танцовщиц, явившихся умилоствовать его царский взор, и приказал привести жреца храма Сехмет, могущественного Хапу.

Он привык советоваться с богами перед каждым важным решением в своей жизни, а чернокожий Хапу являлся

проводником воли богов, и именно совет грозной богини Сехмет нужен был царевичу перед военным походом в города Нубии.

Хапу появился через короткое время в белоснежном одеянии и босиком; звеня золотыми браслетами, он преклонил колени перед сыном бога Ра.

Гордо поклонившись, Хапу промолвил:

– О мой господин, величайший из великих, богатейший из богатых, да будет Сехмет добра к тебе в этом и в ином мире! Я, презренный раб Хапу, явился перед твои очи, смиренно жду твоих указаний! – однако в темных глазах жреца горел высокомерный огонь, совсем не соизмеримый с его учтивыми речами.

При дворе Хапу не любили, но многие боялись. Поговаривали, что он владеет колдовством и магией народов Нубии, среди которых ему не было равных. Тех, кто пытался подсадить верховного жреца Сехмет или строить ему козни, ждала жуткая и неминуемая смерть.

– Хапу, через пару ночей могущественная армия фараона отправляется в поход в страну Куш. Я, сын бога Ра, буду возглавлять этот военный поход. Мне нужно от тебя, Хапу, верное гадание и предсказание о судьбе похода. Ждет ли нас долгожданная победа? Чего опасаться в походе? И какова будет моя участь в сражении? Не отвернется ли Осирис от нас, поможет ли Сехмет победить супостатов? И какую жертву ожидают боги, чтобы покровительствовать

нашей армии в битве? – задумчиво спросил Аменхотеп.

Глаза Хапу на миг победно блеснули. Царевич в глубине души сам боялся грозного нубийца и если бы мог, то никогда бы не общался с верховным жрецом, но без покровительства богов не стоило выходить в поход, это было понятно всем.

– О мой господин, все будет исполнено. Не сомневайся, да будет Амон милостив к тебе и твоему отцу, сегодня уже в период первой луны я проведу необходимый ритуал, задобрю могущественную Сехмет, и ни один твой враг не избежит возмездия египетского оружия! – Хапу низко поклонился и зазвенел золотыми браслетами.

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

При помощи Асхаба Аф-Аффанди, который почему-то еле стоял на ногах, доктор Лосев и профессор Лурье сдвинули тяжеленную крышку древнего гроба, и на свет показалось обнаженное стройное тело, покрытое обрывками льняной ткани. В нос всем собравшимся ударил гнусный запах тлена и разложения. Графиня Розанова вскрикнула и прикрыла лицо кружевным платком, князь Оболенский отошел от саркофага на приличное расстояние. Глаше тоже не нравился смрадный запах, но любопытство к неизведанному не позволяло девушке выйти из комнаты, хотя Аристарх Венедиктович присел за самый дальний столик к приоткрытому окну и налил себе бокал холодного шампанского.

Над раскрытым гробом склонились Поликарп Андреевич и египтолог Лурье, а художник Яков Менжинский принялся зарисовывать очертания умершего.

– Это невероятно! Столько веков прошло, а труп как новенький лежит! – восторженно заявил купец Владимирский.

– Это белиссимо! – захлопала руками Муратова, обмахиваясь веером. – А вы что скажете, Филипп?

– Это действительно невероятно! Мумия в отличном состоянии! И меня действительно смущает... пардон... этот запах! За пять тысяч лет не могли остаться такие ароматы! – покачал головой египтолог.

– Давайте дальше! – Стефан плотоядно улыбнулся. – Разматывайте бинты!

– В руках у жреца... смотрите... это анекх! – заметил Лурье.

– Анекх? Что это? – Полсудский привстал с места, чтобы рассмотреть предмет.

– Это древнеегипетский символ жизни, его вкладывали в руки умершим, дабы ознаменовать переход покойника из этого мира в тот! – объяснил профессор.

– А из того мира в этот ваша мумия не перейдет? Нам только воскресших мертвецов не хватало! – желчно заметила Агнесса Карловна.

– Не волнуйтесь, милая тетушка! Эта мумия мертва точно и безвозвратно, причем уже более пяти тысячелетий! – засмеялась княгиня.

– Я бы не был столь категоричен! – доктор Лосев размотал бинты с верхней части головы мумии, и все увидели бледное человеческое лицо со славянскими чертами и светло-русыми волосами, совсем не похожее на жителя Египта. Под бинтами оказалась окровавленная рана на голове. – Судя по состоянию раны, его убили максимум часов восемнадцать-двадцать назад, то есть примерно вчера днем, – вынес вердикт доктор, осматривая мужчину. – И это явно не Хапу.

– Ой, это же Архип – наш конюх! Он как раз где-то запропастился со вчерашнего дня! – закричала Эллен Генриховна.

Асхаб Аф-Аффанди смотрел на эту картину широко рас-

крытыми глазами, а потом голова у него закружилась, и он с громким шумом упал на ковер, из полуоткрытого рта полилась струйка крови.

Египет. XIV век до н. э

Многочисленное войско сына фараона двигалось через жаркую пустыню, отделяющую Египет от городков Куша.

Звучали военные дудки, ржали тысячи коней, звенело оружие, лязгали железные мечи, ругались возничие, кричали копейщики, мычали сотни быков, замыкающих войско. Стройными рядами катились боевые колесницы. Все войско издавало оглушительный шум.

В шелковом белоснежном шатре, который переносила дюжина рабов, Аменхотеп с нетерпением ожидал прибытия к стенам неприступного города Керме.

Наконец долгожданная остановка, разбили лагерь у Маноры, последнего города, куда не дошли мятежники. Сразу за крутым хребтом находилась крепость Керме, где и отсиживался вероломный Ингез со своим войском.

Тяжелое предчувствие с самого утра мучило Аменхотепа: неужели грозная богиня войны Сехмет завтра отвернется от фараона? Сомнения терзали молодого царевича, но он не мог показать свою слабость перед военачальниками.

Военный совет открыл в царском шатре старый и мудрый Раджедет; ирамы украшали его лицо.

– Керме – достаточно крупная и неприступная крепость. По донесениям лазутчиков, у Ингеца более пятисот человек плюс местные жители Керме. Пару дней назад к Ингезу

добавился и отряд из сотни воинов под предводительством Ярага, вождя кушаитов, – начал военачальник.

Царевич еле сдержался, чтобы не заскрежетать зубами: более шестисот сильных воинов под защитой крепких стен – было от чего гневаться.

– Осадой взять Керме тоже непросто, запасов провизанта и воды у жителей хватит на полгода, а Тутмос Великолепный, да будет Амон милостив к сыну Неба, требовал закончить поход до разлива Нила. То есть самое большое через пару лун мы должны привезти золотую дань фараону, – важно кивнул Сахебу.

Аменхотеп насунил. Взять Керме за пару месяцев будет необычайно трудно, даже многотысячное войско не сможет сразу с наскока победить упрямых кушинаитов.

– Надо не мешкая двигаться к Керме, подготовьте воинов, и через час идем в бой, – отважно сказал царевич.

– К Керме ведут разные дороги: самая быстрая – через крутые горы. Но враг не станет ждать, пока все войско выйдет на открытую местность, завяжется неравный бой в расщелинах. У Ингеца будет преимущество, наша многотысячная армия только увязнет в теснинах, – покачал головой Раджедет. – Есть путь в обход, он намного длиннее, зато безопаснее, но чтобы обойти теснины, потребуются несколько недель.

– За эти несколько недель к Ингецу примкнет еще отряд Саакса с двумя сотнями воинов, они сумеют укрепить сте-

ны Керме, – громко заявил чернокожий Хапу, тоже присутствующий на совете.

Царевич задумался: рискнуть войском или благополучно потерять две недели, дав врагам время лучше подготовиться к осаде?

«О великая Хатхор, о великая Сехмет, дайте мне силу!» – про себя взмолился Аменхотеп.

Хапу бездонными глазами смотрел на военачальников, что-то твердя себе под нос.

Царевич будто бы сбросил наваждение и громко заявил: – Я выбираю кратчайший путь! Мы идем через горы! Готовьте войско!

Вельможи и сановники склонили головы перед мудростью молодого царевича и, часто кланяясь, покинули белоснежный царский шатер.

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

После того как Асхаб Аф-Аффанди упал в глубокий обморок, а древняя мумия оказалась не такой уж и древней, в лиловой гостиной началось форменное безумие. Графиня Розанова сама чуть не упала в обморок – благо старушку подхватил под руку купец Владимирский и посадил на лиловый диванчик; хозяйка дома Эллен побледнела не хуже занедужившего каирца и, тихо всхлипывая, прислонилась к стенке. Доктор Лосев склонился над египтянином, пытаясь привести его в чувство, а Филипп Лурье с ужасом рассматривал мумию, бывшую некогда конюхом Архипом. Стефан вызвал служанку с успокоительными каплями для Эллен, а сам, зажав нос, распахнул все окна гостиной. Сыщик Сви-стунов с невозмутимым видомпил прохладное шампанское, как бы издалека наблюдая за мрачным перфомансом, но за годы своей работы ему пришлось видеть и не такие картины. Глафира молча и сосредоточенно склонилась над саркофагом, пытаясь разглядеть раны убитого. Все это происходило в зловещей тишине, слышны были только хлипкие стоны Эллен.

– Это все оно... проклятие... проклятие мумии. Этот древний жрец убил и Архипку, и Асхаба! – наконец громко выкрикнула княгиня Муратова, дав волю слезам.

Вслед за ней заголосила Агнесса Карловна, которая нашла

в себе силы подняться с дивана и с громкими криками вылететь из комнаты.

Заохал князь Оболенский, позвал слугу и приказал немедленно вызвать сыскных людей, а именно полковника Филина, его хорошего знакомого.

Все как будто отмерли, комната наполнилась криками и суетой, только Аристарх Венедиктович продолжал пить шампанское, не обращая внимания на неразбериху вокруг.

Глафира подошла к доктору Лосеву, который отсчитывал пульс Асхаба.

– Ну, что с ним? Он жив? – негромко спросила девушка.

Доктор неопределенно кивнул, пытаясь отмахнуться от Глаши:

– Не мешайтесь, дорогуша. Я как раз пытаюсь это выяснить!

– Я не дорогуша! Пульс у него есть?

– Пульс вроде есть, но очень плохой. Я никак не могу понять, что с ним. Возможно, перенервничал с этими жрецами – вот сердечко и прихватило. А может, и жара так подействовала! – вытер лицо от пота доктор.

– Жара? Да он из Каира! Что ему наша жара, он человек привычный! Я не думаю, что египтянин будет падать в обморок от петербургского солнца! – хмыкнула Глафира.

– Думает она! Вы, милочка, что, доктор? Или, может быть, разбираетесь в медицине? – рявкнул на нее Лосев. – Не мешайте профессионалу работать! А ваш дружок еще жив! По-

ка что, – тихо добавил он.

– Он не мой дружок... – начала оправдываться Глафира, но натолкнулась на хмурую ухмылку Лосева.

– Ну да, а смотрел плотоядно он на вас, милочка.

– Но я...

– Мне это неинтересно, не мешайте работать! Позовите лучше кого-нибудь, нужно в больницу его доставить.

Глафира кивнула и отправилась за помощью.

Египет. XIV век до н. э

На следующее утро египетское войско двинулось по кратчайшей дороге к крепости Керме. Горная тропка бежала через ущелье, но была настолько узка, что воинам пришлось спешиться и гуськом, один за другим, вести под узды лошадей. Боевые колесницы были разобраны, и рабы несли упряжь и детали повозок над головой.

Царевич Аменхотеп шел первым во главе войска, по обе стороны от него дюжина рабов вели породистых коней царевича. Военачальники Раджедет и Сахебу двигались по правому и левому флангам, лазутчики были отправлены далеко вперед, разведать дорогу и узнать, нет ли засады на пути.

Лошади шли нога в ногу, воины проверяли каждый свой шаг, ведь необычайно узкая тропа нависла над пропастью. В небе над войском парили хищные птицы и стервятники в предвкушении скорого пиршества из мертвецов.

– О Осирис, смилостивься над нашими душами, – прошептал Сахебу, с тревогой наблюдая, как мелкие камешки летят в пропасть, сорвавшись из-под ног царского скакуна.

Верховный жрец Хапу, не отрывая взгляда от птиц в небе, бормотал себе под нос слова магического заклинания.

Аменхотепу тоже было беспокойно, неужели первый его поход станет и последним, ведь военачальники были правы: если здесь, в теснине, нападут на египетское войско, то бой

явно будет неравным, их тут просто перебьют как бестолковых цыплят, а они не смогут оказать практически никакого сопротивления.

Потому оставалось только одно – двигаться быстро и организованно, чтобы враги не успели ничего предпринять.

Но этот путь точно оказался кратчайшим: если обходить горную грядку пришлось бы пару недель, то дорога через ущелье заняла всего пару часов.

Наконец из ущелья вышел последний отряд. Аменхотеп вздохнул с облегчением, египтяне разбили лагерь в нескольких сотнях метров от Керме, чтобы отдохнуть перед завтрашним боем.

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

Домой в меблированные комнаты на Мойке Глафира с хозяином вернулись поздним вечером. Аристарх Венедиктович хмуро поужинал расстегаями с бужениной и отправился в свою комнату, а Глафире не спалось. Она снова и снова вспоминала события минувшего дня, и египетское дело с подмененной мумией не отпускало.

Когда прибыл полковник Филин Степан Игнатьевич, тело бедного Архипа забрали в прозекторскую Боткинской больницы, а сам полковник долго беседовал со всеми свидетелями мрачного происшествия.

Бледная хозяйка дома Эллен Муратова тихо плакала на плече у Стефана, все время повторяя про фиванское проклятие и что они теперь следующие, что они все обречены, так как потревожили покой египетского жреца.

Стефан гладил ее по плечу и хмурился.

Египтолог Фурье пытался объяснить сыскным людям смысл надписи на саркофаге жреца Хапу, но полковник Филин был излишне рациональным человеком и ни в какую мистику не верил.

Но не только слова проклятия беспокоили Глашу: когда она разглядывала запеленутого в куски материи Архипа, то обнаружила кое-что, о чем промолчал доктор Лосев, – кроме зияющей раны на голове с запекшейся кровью у бывше-

го конюха были надрезы на левом боку. Глаша полагала, что именно через эту рану у Архипа кто-то извлек внутренние органы; так, по крайней мере, делали при мумификации в Древнем Египте, о чем во время беседы поведал Лурье, но именно такие же раны были и у убитых девушек на Васильевском острове.

Глаша снова нахмурилась. Очень не хотелось бы лезть в это расследование, Аристарх Венедиктович, конечно же, будет против, но Глаша была уверена, что обязана рассказать полковнику Филину о сделанном ею открытии.

Египет. XIV век до н. э

Дым от сотен костров поднимался в темное нубийское небо.

Воины, устав от тяжелого перехода, устроились на голой земле на ночлег. Многие не по своей воле попали в войско фараона. Здесь были и землевладельцы, и рыболовы, и охотники, и рабы. Всем им снились яркие сны, а ведь многих завтра ждал в свои объятия могущественный Анубис: жены и дети никогда больше не увидят своих кормильцев.

Не спали, а бдели до утра караульные, которые в свете тонкого серпа луны всматривались в пугающую мглу.

В кустах раздался тихий шорох.

– Хамфи, не спи. Там кто-то есть, может, пора будить начальников? – молодой безусый воин, едва ли отметивший семнадцать разливов Нила, шарахался от каждой тени – не по своей воле попал он в войско фараона.

– Да нет, птица пролетела или змея проползла. Будь мужественен, – толстый неопрятный Хамфи со смехом оттолкнул напарника.

– Я слышал... там... вроде... Но сейчас тихо... – но договорить юный караульный не успел, деревянная стрела с ярким оперением быстрее ветра прочертила путь в ночном небе и попала незадачливому воину в правый глаз. Караульный бесшумно упал в темнеющие кусты.

Хамфи достал из-за пазухи военный горн, и прозвучал сигнал тревоги.

Через пару мгновений лагерь был уже на ногах. Заспанные воины на бегу доставали мечи из ножен, чему мешал град стрел.

Из крепости Керме под покровом ночи вышел военный отряд лазутчиков, которые стрелами атаковали лагерь египтян, пытаясь разведать обстановку.

Завязался короткий бой. Забирая раненых товарищей, кушнаиты укрылись за высокими стенами Керме.

И снова стало тихо... Лагерь погрузился в благодатную темноту.

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

– То есть вы, уважаемая Глафира Кузьминична, уверяете, что убийца конюха Архипа Ставриудина и Расчленитель с Васильевского острова – это одна и та же персона? И вы сделали такой вывод, только увидев рану на боку Архипа? Ну и ну! – Степан Игнатьевич Филин набил трубку табаком и внимательно посмотрел на сидящую перед ним девушку. На глупышку или чудаковатую сумасшедшую она отнюдь не походила, но эти дурацкие предположения прямо с утра в кабинете сыска навевали на странные мысли о ее умственных способностях.

Глафира уверенно кивнула и почесала симпатичный носик, запах табака она с трудом переносила.

– А вы, уважаемая, имеете отношение к медицине? Вы посещали курсы медсестер? Или, может быть, состоите в услужении у доктора общей практики? – пылливо посмотрел ей в глаза Филин.

Глаша поерзала на месте, но глаз не опустила.

– Нет, к медицине я отношения не имею, но...

Договорить полковник ей не дал:

– Я так и понял, что нет. Тогда ваши предположения о ранах умерших, почерпнутые только из утренних газет, чепуха полная, и вы только тратите мое драгоценное время! – закурил трубку Степан Игнатьевич. – И не нужны мне ваши

рассказни о египетских мумиях!

Глафира закашлялась от неприятного запаха.

– Но вы не понимаете...

– Это вы, голубушка, не понимаете! У меня на Ваське уби-
вец орудует, кучера в мумию забинтовали, в гроб положили –
дел невпроворот, а вы мне тут сказки рассказываете! Вы кем
служите? Горничной? Ну вот и занимайтесь своими прямы-
ми обязанностями! Если ваш гениальный хозяин Свистунов
хочет разобраться в этих преступлениях – то милости про-
сим, а вы, сударыня, не сердчайте, но и не забивайте голову
этими кровавыми делами! – фыркнул Филин. – Не дело это
для барышень, не дело! – уже смягчился он и пустил колечко
дыма в побеленный потолок.

Глафира покраснела от оскорблений, ее даже не стали
слушать, просто выставили за дверь.

«Нет, это не Филин, и не похож даже, – а самый насто-
ящий волк! Да-да! Серый волк! Худой, поджарый и вред-
ный!» – решила Глаша и, оправив юбку, поспешила в меб-
лированные комнаты на Мойке.

Египет. XIV век до н. э

Ранним утром египтяне увидели сверкающие на солнце мощные стены Керме, нижняя часть которых была сложена из исполинских каменных глыб, а верхняя – из сырцовых кирпичей. Такие кирпичи только сушились под ярким южным солнцем, их никогда не обжигали в печах.

Египтяне построились в идеально верном, правильном военном порядке, прозвучал сигнал трубачей, и воины отправились в атаку.

Мятежники не стали скрываться за стенами, из дубовых ворот выдвинулся отряд из отборных воинов Ингеца, а с высоких стен крепости неслись проклятия на голову египтян, их детям, их внукам-правнукам.

Поднимая клубы пыли, первыми в бой мчались египетские колесницы, в каждую была запряжена четверка резвых отборных жеребцов. Один из воинов правил конями, другой в этот момент стрелял из лука или метал копья.

За колесницами тесными рядами шла пехота.

Лучники фараона быстро построились на правом фланге. Вскинули луки, натянули тетиву, и острые стрелы смертоносным дождем полетели во врагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.